

У КОКУШКИНА МОСТА

(Продолжение. Начало в номерах
от 26, 27 декабря 1986 года, 2, 3 и 5 января)

1864 год был в жизни Достоевского годом тягостных испытаний. В апреле в Москве умерла первая жена писателя. Через три месяца умер горячо любимый брат Михаил. При его участии Достоевский издавал журнал «Эпоха». «Вся жизнь переломилась надвое», — писал Достоевский. После смерти брата в его семье оставалось всего триста рублей. Эти деньги пошли на похороны. Жена брата и четверо детей остались без средств к существованию. Достоевский не мог их бросить на произвол судьбы. Он взял на себя уплату долгов брата, содержание семьи и воспитание пасынка Паши Исаева. А в сентябре этого же года умер ведущий сотрудник журнала «Эпоха» Аполлон Григорьев. Все заботы по изданию журнала, почти не приносившего доходов, легли на плечи Достоевского. После февральского номера в редакции не осталось ни копейки, нечем было расплачиваться с сотрудниками, а также с типографией. Федор Михайлович остался с огромным долгом — 15 тысяч. Нужно было искать выход из тупика.

Летом 1865 года Федор Михайлович уезжает за границу. Он надеется там поправить все дела ризом, мысль о возможности крупного выигрыша на рулетке неотступно следует за ним. Три года назад там же, в Висбадене, всего за один час он выиграл 12 000. Теперь счастье не улыбается ему. За пять дней в этом городе проиграны все наличные деньги. Он задолжал хозяину в отеле. Ему не дают даже обед, отказывают в свечах.

Наконец, осенью, получив от друзей деньги, Достоевский возвращается в Петербург. Он снова живет в доме Алонкина на углу Столярного переулка.

Кредиторы угрожают долговой тюрьмой, описью имущества. Работать приходится в страшной спешке. Нет времени тщательно отделявать написанное. Иногда он приходит в отчаяние, чувствуя, что не может уже исправить то, что послано в журнал «Русский вестник». С января 1866 года в этом журнале печатаются главы из романа «Преступление и наказание». Деньги за первые главы он тут же раздает кредиторам и многочисленным родственникам.

Приходится зимой несколько раз закладывать шубу. Снова, уж в который раз, перед ним из темноты всплывает неотвратимая «яма» — дом содержания неисправных должников. И тогда «руку помощи» протянул ему книгопродавец и издатель Стелловский. Он предложил Достоевскому необходимые для окончательного погашения долгов три тысячи. Условие оказалось кабальным: писатель должен был разрешить ловкому предпринимателю напечатать в трех томах все свои произведения, доход от которых поступал только Стелловскому. За эти же деньги Достоевский обязался всего за два месяца, к 1 ноября 1866 года, представить новый роман. Друзья писателя предлагали помочь ему составить план романа, написать несколько глав, но Федор Михайлович, будучи человеком щепетильным и принципиальным, отказался от этого предложения. Тогда ему порекомендовали обратиться к помощи стенографистки.

4 октября в дом Алонкина пришла лучшая ученица стенографических курсов Анна Григорьевна Сниткина. В ее сумочке лежала небольшая вчетверо сложенная записка, переданная преподавателем курсов Ольхиным. В записке значился адрес: «Столярный переулок, угол М. Мещанской, дом Алонкина, кв. № 13, спросить Достоевского».

Приведем отрывок из воспоминаний А. Г. Достоевской, в котором она рассказывает об этом знаменательном в ее жизни дне: «В двадцать пять минут двенадцатого я подошла к дому Алонкина. У стоявшего в воротах дворника спросила, где квартира № 13. Он показал мне направо, где под воротами был вход на лестницу. Дом был большой, со множеством мелких квартир, населенных купцами и ремесленниками. Он мне сразу же напомнил тот дом в романе «Преступление и наказание», в котором жил герой романа Раскольников. Квартира № 13 находилась во втором этаже.

Я позвонила, и мне тотчас отворила дверь пожилая служанка в накинутом на плечи зеленом в клетку платке. Я так недавно читала «Преступление», что невольно подумала, не является ли этот платок прототипом того драдедамового платка, который играл такую большую роль в семье Мармеладых... Служанка пригласила меня в комнату, которая оказалась столовою. Обставлена она была довольно скромно: по стенам стояли два больших сундука, прикрытые небольшими коврами. У окна находился комод, украшенный белой вязаной покрывкой. Вдоль другой стены стоял диван, а над ним висели стенные часы. Я с удовольствием заметила, что на них в ту минуту было ровно половина двенадцатого.

Служанка просила меня сесть, сказав, что барин сейчас придет. Действительно, минуты через две появился Федор Михайлович, пригласил меня в кабинет, а сам ушел, как оказалось потом, чтобы приказать подать нам чай. Кабинет Федора Михайловича представлял собою большую комнату с двумя окнами, в тот солнечный день очень светлую, но в другое время производившую тяжелое впечатление: в ней было сумрачно и безмолвно; чувствовалась какая-то подавленность от этого сумрака и тишины. В глубине комнаты стоял мягкий диван, крытый коричневой, довольно подержанной материей; перед ним круглый стол с красной суконной салфеткой. На столе лампа и два-три альбома; кругом мягкие стулья и кресла.

Над диваном в ореховой раме висел портрет чрезвычайно сухощавой дамы в черном платье и таком же чепчике. «Наверное, жена Достоевского», — подумала я, не зная его семейного положения. Между окнами стояло большое зеркало в черной раме. Так как простенок был значительно шире зеркала, то для удобства оно было придвинуто ближе к правому окну, что было очень некрасиво. Окна украшались двумя большими китайскими вазами прекрасной формы. Вдоль стены стоял большой диван зеленого сафьяна и около него столик с графином воды. Напротив, поперек комнаты был выдвинут письменный стол, за которым я потом всегда сидела, когда Федор Михайлович мне диктовал. Обстановка кабинета была самая заурядная, какую я видела в семьях небогатых людей...

С первого взгляда Достоевский показался мне очень старым. Но лишь только заговорил, сейчас же стал моложе, и я подумала, что ему навряд ли более тридцати пяти-сорока лет. Он был среднего роста и держался очень прямо. Светло-каштановые, слегка даже рыжеватые волосы были сильно напояжены и тщательно приглажены.

Первая пробная диктовка текста закончилась тем, что Достоевский попросил Сниткину прийти в тот же день еще раз.

К восьми часам она снова была на углу Столярного и Малой Мещанской. Снова открыла дверь Федосья, служанка Достоевского. Пригласила ее в кабинет. Снова появился поднос с двумя стаканами крепкого чая и двумя булочками. И опять Достоевский спросил, как ее зовут, и предложил папиросы. За чаем он разговаривал. Эта стройная девушка в черном глухом платье, деловая и спокойная, так внимательно и сосредоточенно слушала его, такой тихий и добрый свет излучали ее глаза, что ему вдруг захотелось хоть немного рассказать ей о себе, о тех страшных минутах, что он пережил на Семеновском плацу.